

ЕЛЕНА ДВОРЯНСКАЯ

ДОМ С РЕШЕТКАМИ

Раз, два, три, четыре, пять!
Будем в прятки мы играть...

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

16+

Елена Дворянская

Дом с решетками

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35915944

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-11467-8

Аннотация

Представьте, что Вас вдруг лишили свободы и посадили в одиночную камеру, не объясняя, в чем Ваша вина. И неизвестно, сможете ли Вы когда-нибудь выйти оттуда. Все это произошло с Эриком. Главный герой страдает полной потерей памяти. Но никто не хочет помочь ему и рассказать, что же случилось в его прошлом. Один и тот же страшный сон преследует его каждую ночь и не дает покоя. И, несмотря на все трудности, Эрик намерен выяснить всю правду, чего бы это ему не стоило. Но он даже не догадывается, что его ждет...

Содержание

Дом с решетками	4
Предисловие	5
5 июня	7
6 июня	11
10 июня	13
12 июня	16
13 июня	18
19 июня	19
23 июня	21
26 июня	22
30 июня	24
30 июня	28
3 июля	29
9 июля	31
10 июля	33
11 июля	37
13 июля	39
20 июля	40
1 августа	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Дворянская

Дом с решетками

Дом с решетками

*Человеку, который всегда поддерживал
и понимал меня, -
моей маме, посвящается*

Предисловие

Я живу здесь уже много лет. Я не знаю, кто я, как меня зовут, и сколько мне лет. Я не знаю ничего...

В этой закрытой комнате и проходит моя жизнь. Здесь есть только кровать и крохотное окошко под самым потолком. В нем я могу видеть лишь маленький кусочек неба. Но вы не поверите, если я скажу, что я бываю безумно счастлив, лежа на кровати и смотря на небо, пусть его даже всего лишь маленький кусочек.

Еду мне подают в специальное отверстие в двери, которое потом замыкают. Да! Я же ничего не рассказал о моих надзирателях. Это крепкие парни с дубинками и электрошокерами. Они всегда суровы и молчаливы.

К-378 – так они называют меня. Я не знаю, что это значит, может быть, порядковый номер заключенного или номер моей комнаты. Но тюрьма ли это?

Два раза в неделю меня водят в душ. Мы идем по длинным запутанным коридорам. Не уверен, что сам нашел бы дорогу обратно, но каждый раз стараюсь запомнить-прямо-направо-направо-налево-прямо. Здесь множество дверей, большинство из них похожи на мою. В душе меня моют и бреют, ни на секунду не оставляя одного. Ни разу мне не приходилось видеть или слышать других заключенных.

У меня есть сокровище. Вам покажется это смешным, потому что это зубочистка. В душе ее обронил один из надзирателей. Не знаю, как мне это удалось, но я зажал ее пальцами ног и, не разжимая их смог дойти до своей комнаты.

Каждый день, я залезаю под кровать там, на стене делаю пометки. Я отсчитываю дни недели и месяцы, я сам составил календарь. Это было не сложно, потому что у одного из моих надзирателей наручные часы с крупным циферблатом. И каждый раз, когда он открывает или закрывает двери перед моим носом, я смотрю на его часы. Вижу время, день, месяц, год...

Иногда я упражняюсь в решении задач. Очевидно, что я учился в школе, когда-то. Только где и когда...?

Интересно, живы ли мои родители, и есть ли они у меня вообще. Была ли у меня семья? Или любимая девушка? Имел ли я друзей? Эти вопросы сводят меня с ума и вызывают сильную головную боль.

Итак, позвольте Вам представиться. Я – никто!

5 июня

Не так давно частички памяти стали возвращаться ко мне. Это случилось благодаря психологу, ровно неделю назад.

В тот день, дверь моей камеры неожиданно распахнулась. Почему я сказал неожиданно, потому что ближайшие банные процедуры должны были быть через два дня, а до этих пор, визитами меня никто особо не радуется.

Меня куда-то повели. Я ожидал привычного маршрута, но мы шли в незнакомом направлении. Мое сердце забилося от волнения. Внезапно мой нос уловил запах... запах лекарств. И я увидел людей в белых халатах, похоже, что мы попали в больничное крыло. Возле одной из дверей, мой провожатый снял с моих рук наручники и втолкнул меня внутрь.

Это была большая комната с белыми стенами и высоким потолком. Диван, стол, пара стульев и огромный шкаф, вот в принципе и весь интерьер. Но, мой взгляд остановился на окне. Небо! Такое красивое и такое манящее. Я зажмурил глаза от яркого солнечного света. Еще хорошо были видны макушки деревьев. Возможно, мы на третьем или четвертом этаже. Интересно, сколько всего этажей в этом здании?

– Непривычно? – спросил мужской голос.

Я вздрогнул от неожиданности. За моей спиной стоял мужчина. Высокий, крепко сложенный, безусловно одетый. Мой нос уловил едва ощутимый запах его одеколона. Запах!

Как это не странно в моем заточении запахи фактически отсутствовали. Не было запахов плесени или сырости, не было запахов пота... и даже пища не имела запаха.

Незнакомец сел за стол и предложил мне располагаться на диване. Я осторожно присел на краешек, и буквально утонул, диван был очень мягким. По сравнению с ним, моя кровать не мягче доски.

– Позвольте представиться, меня зовут Олег Геннадьевич – его голос был тихим и вкрадчивым.

– А можете ли Вы назвать мне свое имя? – он посмотрел на меня в упор, под его взглядом я съежился. Неужели бывают глаза такого цвета... серые, как сталь.

Я хотел сказать, что не знаю своего имени, но внезапно для самого себя коротко произнес – Эрик.

Дуги его бровей поползли вверх – Эрик?

– Да! Это мое имя! – странно, но я вдруг почувствовал небывалую уверенность в этом.

Мой собеседник явно был немного обескуражен, но постарался не подавать виду.

– Хорошо, Эрик! Называйте меня просто – доктор.

«Хорош доктор... с военной то выправкой» – промелькнула мысль в моей голове.

Нет сомнений, что он физически сильный и достаточно умный. Да! Скорее всего, военный. Может быть, я шпион. Интересно, от какой страны. И в какой стране я сейчас нахожусь. У меня было очень много вопросов. Но, стоит ли их

задавать Олегу Геннадьевичу?

– Я понимаю, что у Вас сейчас очень много вопросов – сказал доктор, словно прочитав мои мысли.

– Постепенно, я готов ответить на все Ваши вопросы – он многообещающе улыбнулся, но глаза оставались холодными.

Возникло пару минут молчания. Доктор что-то записывал в своей тетради. Я с любопытством огляделся по сторонам.

– Эрик! Прочтите мне любые стихи. Первое, что придет Вам в голову – эта просьба застала меня врасплох.

Я хотел, было сказать, что ничего не помню, но слова пришли словно сами собой... Медленно, как будто во сне, я произнес:

– «Раз, два, три, четыре, пять!

Будем в прятки мы играть.

Раз, два, три, четыре, пять

Стану я тебя искать

Раз, два, три, четыре, пять

Пришло время....

Пришло... время...

Я замолчал. Забыл последние слова.

– Что это за считалка? – Олег Геннадьевич, явно ожидал от меня чего-то иного.

– Я не знаю. Это первое, что пришло мне в голову – я не стал говорить ему о том, что повторяю эту глупую считалку со вчерашнего вечера. Не знаю, где бы я мог услышать ее, но она намертво засела в моей голове.

Внезапно, как по команде, в кабинет вошли надзиратели. Все в черном, похожие на силы зла. Я не хотел уходить, и доктор знал об этом. Нравился он мне или нет, это не имело сейчас значения, потому что это был единственный мой собеседник.

Весь вечер я пытался вспомнить последние строки считалки, но тщетно. Я не знаю, кто или что уничтожило мою память. Только пустота внутри и головная боль в ответ. Откуда же взялось это имя – Эрик? Готов отдать руку на отсечение, что это на самом деле мое имя. А эти дурацкие стихи?!

Чертов доктор! Это просто невозможно вспомнить. Я провел бессонную ночь. Мне безумно хотелось выйти из этого заточения.

6 июня

Сегодня я снова здесь, в этой белой комнате. И снова чувствую запах его одеколона. Уверен, мне не составило бы труда отличить этот запах от миллиона других.

– Эрик! Вы вспомнили? – доктор опять был безупречен.

Моя помятая физиономия, наверняка доставила ему удовольствие. Я подошел вплотную к его столу и выпалил, словно отличник на уроке:

– Раз, два, три, четыре, пять!

Будем в прятки мы играть.

Раз, два, три, четыре, пять

Стану я тебя искать

Раз, два, три, четыре, пять

Пришло время, убежать.

Конечно же, я не вспомнил, просто подобрал рифму. И наверняка доктор догадывается об этом.

Спустя какое – то время мы принялись разглядывать вляксы на бумаге, бессмысленное и скучное занятие. После того, как я пять раз зевнул, Олег Геннадьевич, предложил мне поиграть в ассоциации. Правила были очень просты.

– Я говорю Вам слово, а Вы мне в ответ другое слово, которое в Вашем понимании ассоциируется с моим. К примеру, простынь – кровать – объяснил он.

Я согласно кивнул, и мы начали.

– Черное – сказал он.

– Окно – ответил я.

– Дождь.

– Небо.

– Пол.

– Деревянный.

– Вода.

– Купание.

– Небо.

– Космос.

На какие-то доли секунды, что-то промелькнуло в глазах доктора.

– Бумага – продолжил он.

– Писать – сказал я.

Потом, опять вернувшись в свою камеру, я долго думал. А почему же все-таки я ответил – космос...очевидно, что и он задавал себе тот же вопрос.

10 июня

Наши встречи с доктором стали постоянными. Через день или через два я приходил в его кабинет. Это очень разнообразило мою жизнь. Не уверен, что я мог бы относиться к числу его поклонников, но лучше такой собеседник, чем вообще никакого.

– Олег Геннадьевич! Я хотел бы попросить Вас! – мой голос немного изменился от волнения. Я слишком сильно боялся отказа.

– Да-да. Я слушаю Вас! – глаза стального цвета буквально сверлили меня.

– Я хотел бы увидеть свое лицо – мое сердце забилося в бешеном темпе.

Вместо ответа, он открыл ящик стола и достал небольшое круглое зеркало. Заметно нервничая, я поднял зеркало и открыл глаза. На меня смотрел незнакомец. Чужие глаза на чужом лице. Когда первый шок прошел, я смог признать, что человек в зеркале довольно приятный. Мужественное лицо, ямочка на подбородке, карие глаза, и растрепанные темные волосы, на вид около 40 лет. Да, не красавец и не герой боевика, но наверняка пользовался бы популярностью у женщин.

Не знаю, сколько времени прошло, наверняка со стороны я выглядел забавно, словно Нарцисс, который не может на-

любоваться своим отражением.

– Глупец! – промелькнула мысль в моей голове.

Очевидно, что, когда я выйду отсюда, я буду уже слишком стар, чтобы нравиться кому-то. Велика вероятность, что мне суждено остаться в заточении до конца своих дней. Несправедливость заключалась в том, что я не знал, за какую провинность нахожусь здесь.

Доктор убрал зеркало обратно в стол, он понял, что беседовать с ним сегодня я не в состоянии.

Вернувшись в камеру, я залез под кровать и достал зубочистку.

«Меня зовут – Эрик» – нацарапал я на стене. Не приходилось сомневаться, что они уже давно нашли мои записи. Ну и пускай читают, плевать.

«Раз, два, три, четыре, пять!

Будем в прятки мы играть» – я стал напевать эти детские строки. Как ни странно, это помогло мне уснуть.

Этой ночью, я впервые за долгое время увидел сон. Я находился в каком-то помещении. Рядом были люди. Я вертел головой в поисках знакомых, но все лица у людей размыты, невозможно разобрать черты лица. Рядом слышен шум, сначала это был просто непонятный гул, затем к нему добавился еще звук похожий на топот бегущей толпы. И вдруг, неожиданно,

данно, где-то совсем рядом, леденящий душу крик – Беги, Эрик! Я побежал, но ноги плохо слушались меня. Поскользнувшись, я очутился в какой-то липкой луже. Я посмотрел на свои руки. Кровь! Много крови, весь пол был залит ею.

Закричав, я проснулся. Первым делом я кинул взгляд на свои руки. Они были в крови. Ужас переполнил меня. Кинувшись к двери, я тарабанил в нее руками и ногами. В какой-то момент дверь распахнулась, в считанные секунды надзиратель скрутил меня, как младенца. Я продолжал вырываться и кричать. Наша борьба продолжалась не более пяти минут, вскоре, обессилев, я смирился и сник.

Появился кто-то из медперсонала, меня положили на кровать и сделали укол. Мои веки сомкнулись под своей тяжестью, и уже сквозь сон я услышал голос – Да, ничего страшного не случилось! Поднялось давление, и вследствие этого у него началось кровотечение из носа.

12 июня

Я чувствовал, что доктор в курсе того, что произошло со мной вчера. Но никаких вопросов он не задавал.

И мы опять играли в ассоциации.

– Огонь.

– Жар.

– Женщина.

– Красивая.

– Тень.

– Свет.

– Кровь.

– Боль.

Знал ли доктор, что я стал каждый вечер придумывать возможные ассоциации. Я не хотел более быть застигнутым врасплох. Зачем я это делал? Не знаю, но внутренний инстинкт предупреждал меня об опасности.

Закончив игру, Олег Геннадьевич засел за бумаги. Я не торопился вернуться в камеру, и с интересом разглядывал обстановку в кабинете. Неожиданно, в поле моего зрения попала фотография в рамке. Она стояла на противоположном углу стола, я прекрасно мог видеть, кто изображен на ней. Женщина с маленьким ребенком на руках, словно мадонна с младенцем.

– Ваша семья? – спросил я.

В глазах доктора промелькнул испуг.

– Да, моя семья – слишком поспешно ответил он.

Это было очень странно. Хотя, может быть, мне всего лишь показалось.

13 июня

Ночное сновидение обрадовало и огорчило меня одновременно. Я видел светловолосую женщину с фотографии. Она протянула мне своего ребенка и сказала – Эрик, мы твоя семья!

Мне хотелось плакать, но я не смог. Был ли этот сон правдой? Спросить мне было некого. Я забрался под кровать и вооружился зубочисткой. Мне захотелось сделать несколько записей, но, стена была ровной и гладкой, от моих предыдущих записей не осталось и следа. Смеясь сквозь слезы, я бил кулаками по стене. Такое бессилие.

19 июня

Сегодня доктор предложил мне попробовать гипноз. Я с радостью согласился. Он долго не мог ввести меня в нужное состояние. Казалось, что наш эксперимент был уже на грани провала, как вдруг меня окутала бездна. Долгое время я не чувствовал ничего. Потом появился он, большой светящийся шар. Он, был настолько красив, что просто дух захватывало. А ведь я видел это и раньше.

Когда я открыл глаза, доктор стоял возле меня.

– Эрик, как вы себя чувствуете? – спросил он. Его голос и его лицо не выражало никаких эмоций.

– Вначале было как-то дискомфортно, но затем мне понравилось – ответил я чистую правду.

– Что вы помните? – каждое мое слово, Олег Геннадьевич фиксировал на бумаге.

– Я видел шар, большой светящийся шар – здесь я тоже не солгал.

– А теперь друг мой, немного ассоциаций!

Олег Игоревич облокотился на спинку дивана и произнес:

– Страх.

Я парировал: – Темнота.

– Шар.

– Игра...

Все это продолжалась около пяти минут.

Вернувшись в камеру, я долго думал о том, какую цель преследовали эти игры. Помочь мне вспомнить, или же провернуть, не вспомнил ли я что-либо.

Даже не представляю, какой бред я мог нести в состоянии гипноза. Конечно же, доктор ни о чем мне не расскажет.

Я достал из-под плинтуса свою зубочистку и полез под кровать. На стене я нацарапал большой прямоугольник и шестнадцать кружков внутри него. Кто-то скажет – какой бред! А я скажу, что это не бред – это бильярдный стол.

Перед сном, я вспомнил то, что увидел во время гипноза. Яркий разноцветный шар. Именно так, наша планета выглядит из космоса. Меня снова нестерпимо тянуло в небо. Да, кстати, я не помню, чтобы когда-либо играл в бильярд.

Понемногу частички моей памяти начинают становиться на место. Словно я собираю какую-то мозаику. Чертову мозаику!

23 июня

День был долгий и скучный. Никто не заходил ко мне. Минуты тянулись словно часы. Кусочек неба надо мной был пасмурный, что никак не вселяло в меня оптимизма. Очень похолодало. Я закутался в одеяло и пытался уснуть. Бесполезное занятие.

Ближе к вечеру, я услышал какой-то шум в коридоре. Прильнув ухом к двери, я попытался расслышать что-либо. Шум нарастал! Надзиратели вели кого-то. Проходили мимо моей двери. К сожалению, я не мог ничего увидеть.

Раздался тихий протяжный стон. Женщина?! Они вели женщину! Господи, а когда я вообще последний раз видел женщину?

Они уже давно прошли, а я все еще продолжал сидеть, прижавшись к двери. Я как будто даже почувствовал ее запах. Свежий и сладковатый.

Забравшись под кровать, я нацарапал на стене женский профиль. Получилось что-то, отдаленно напоминающее лицо. Да! Художником, я явно не был. А жаль!

26 июня

Утром меня отвели в кабинет доктора. Он выглядел довольным, улыбался, это не было похоже на него.

– Эрик! У меня для Вас хорошая новость! – он сверлил мое лицо своими глазами буравчиками.

Очевидно, что он ожидал от меня каких-то эмоций. Хорошая новость? Что может быть для меня хорошей новостью?

– Я разрешаю Вам... групповую терапию! – он выжидающе посмотрел на меня, видно все еще надеясь, что я сейчас пущусь в пляс.

– Ну, если Вы считаете, что это мне необходимо – моим голосом можно было резать стекло.

Олег Геннадьевич, явно был обескуражен. А я торжествовал в душе – Никогда не стану ни для кого открытой книгой!

– После обеда, ты встретишься со своими новыми друзьями – он по-отечески похлопал меня по плечу.

А мне почему-то вдруг стало страшно...

С трудом, проглотил отвратительную похлебку из чечевицы. Сегодня, она была как никогда омерзительна. Я с нетерпением стал ждать надзирателей. Прошло несколько часов, но никто не пришел за мной.

Я ждал до тех пор, пока кусочек неба в моем окне, не окрасился в черный цвет. Наступила ночь.

– Проклятый доктор! Обманул меня! – щеку обожгла скупая слеза обиды. Я чувствовал себя как ребенок, которому не подарили обещанную игрушку.

– Но, почему он соврал мне? Почему? Почему? ПОЧЕМУ?

30 июня

Прошло пять дней. За это время я больше не видел ни доктора, ни «новых друзей». На душе была горечь от обиды. Не знаю, во что он играет со мной, но мне его игры не нравятся.

После обеда, когда я утратил уже всякую надежду, дверь в мою камеру распахнулась. Надзиратель поманил меня пальцем. Мы шли в неизвестном направлении. Я пытался запомнить повороты, но в какой-то момент просто сбился.

Черт, как же они сами ориентируются в этих лабиринтах? Перед одной из дверей мы остановились. Я вдохнул воздух, потом выдохнул. Ах, эта предательская дрожь в коленях! Волновался, как будто перед брачным алтарем.

Мы вошли в большую комнату. В первую очередь в глаза мне бросился огромный черный рояль, он стоял прямо посреди комнаты. На стенах висели полки с книгами. Пара мягких диванов и несколько пуфиков. Вполне уютно, но в комнате полностью отсутствовали окна.

Оглянувшись, я заметил, что мой надзиратель исчез. Я остался в полном одиночестве.

Немного побродив, я присел на диван. И чем мне заниматься здесь? Под потолком я увидел камеру наблюдения. — Ну, наблюдайте, если вам так хочется!

Рояль поблескивал полированной поверхностью и манил

меня к себе. Так жаль, что я не умею играть на нем. Или умею?! Со странным трепетом подняв крышку, я прикоснулся к клавишам. Настучал по памяти «Собачий вальс». Так забавно! Присев на краешек стула, я продолжил свое занятие. Сначала это было просто беспорядочное нагромождение звуков, но спустя несколько минут начала вырисовываться красивая и трогательная композиция, такая знакомая. Закрыв глаза, я покачивался в такт музыки, руки словно жили своей жизнью. Они плавно скользили по клавишам. Я играл по памяти!

И что-то вдруг, воскресло в моем мозгу, обескуражив меня. Я увидел уютную гостиную. Почувствовал тепло от камина и запах пирогов с яблоками. Светловолосая женщина полулежала на софе и наслаждалась звуками музыки. Как будто все вновь вернулось назад.

Мой дом! Моя семья! Где же все это? За что меня лишили нормальной жизни?! Я резко захлопнул крышку рояля. Играть больше не хотелось.

– Неплохо играешь! – голос раздался настолько неожиданно, что я чуть было, не закричал от испуга.

На одном из диванов, развалился здоровенный бритоголовый парень, на вид лет тридцати. Правую сторону его лица пересекал длинный тонкий шрам, а на шее была татуировка в виде паука.

Очевидно, я был увлечен игрой, что не заметил появление гостя. И кто же это? На надзирателя не похож, на доктора

тоже. Незнакомец как будто наслаждался моей растерянностью.

В какой-то момент парень поднялся с дивана и протянул мне свою огромную руку.

– Тунгус! – сказал он.

Его рукопожатие было очень крепким. Я буквально видел, как напрягаются его мышцы под одеждой.

– Эрик! – мое рукопожатие было не столь крепким, но я попытался компенсировать это улыбкой. Улыбаться мне не приходилось давно, так что насчет своего обаяния я не был уверен.

– Ну, ты прям Моцарт! – похвалил Тунгус.

– В смысле? – я не понял, что он хотел этим сказать.

– Играешь хорошо!

Я хотел было ответить, что Моцарт был композитором, но потом решил, что этот факт Тунгусу будет явно неинтересен.

Оказалось, что в углу комнаты был небольшой «тренажерный зал». Штанга и пара гантелей. Странно, как я не заметил это сразу.

Тунгус улегся на пол, и с легкостью принялся отжимать огромную штангу. Судя по всему, этот парень был частым гостем в этой комнате, в отличие от меня.

Конечно, я бы предпочел, чтобы вместо своих тренировок, он пообщался бы со мной. Но, судя по всему, Тунгус был не слишком склонен к общению.

Время шло и шло, но мой новоявленный знакомый был

словно робот. После штанги он переключился на гантели, а за мной уже пришли надзиратели. Уверен, что Тунгус даже и не заметил моего отсутствия.

В коридоре мы столкнулись с другими надзирателями, которые вели под руки высокого седого мужчину. Проходя мимо, тот поклонился мне, как будто мы повстречались на прогулке в парке. Забавный тип!

30 июня

С самого раннего утра я ждал прихода надзирателей. Где-то в районе обеда, когда дверь заскрежетала засовами, мое сердце готово было вырваться наружу от счастья.

Надзиратель повел меня, но увы, не в тот поворот, не в тот коридор. Вместо заветной комнаты, меня повели к доктору.

Мое разочарование не смогло ускользнуть от глаз Олега Геннадьевича.

– Эрик, мой друг! Я не задержу Вас надолго! Мне нужен всего лишь небольшой отчет о вчерашнем дне – Док был само очарование.

На столе передо мной был листок бумаги и ручка. Я попытался писать. Жутко неудобно! Буквально через минуту рука от непривычки стала ныть и болеть.

Я, вопреки всему, полностью расписал мой день, игру на рояле, знакомство с Тунгусом, и даже встречу с седовласым незнакомцем.

Нахмурившись, Олег Геннадьевич прочитал мое изложение.

– Эрик, Вы можете идти!

Я думал, что теперь меня отведут в комнату. Но нет! Надзиратель привел меня обратно в камеру.

И снова еще один бесконечно одинокий вечер.

3 июля

Меня ведут в комнату. На душе радость. Как будто получаю глоток свободы. Возможно, сегодня получится пообщаться с этим парнем.

Но в комнате меня ждал сюрприз! Тунгус был не один, здесь находился тот седовласый мужчина, которого я не так давно встретил в коридоре.

Выглянув из-под штанги, Тунгус коротко кивнул мне. В отличие от него, его компаньон одарил меня крепким рукопожатием. Про себя, я прозвал его Эйнштейном, из-за седой и немного растрепанной шевелюры.

– Борис Гольдштейн! – представился он.

Я, с трудом сдерживая смех, представился в ответ. Гольдштейн! Почти Эйнштейн!

– Профессор! – с важностью добавил он.

– Но Вы можете называть меня просто – Борис Леонидович!

Я постарался сохранить серьезное выражение лица. Все-таки непременно, Борис Леонидович! Старый, ты хрен!

Профессор приобнял меня за плечи и увлек к книжным стеллажам. Здесь он надолго поверг меня в пучину научных терминов, а я не понимал ни слова, но делал задумчивый вид и кивал в такт его словам. Было ужасно скучно быть собеседником Эйнштейна. Это тот тип людей, который любит

говорить, но не умеет слушать. В какой-то момент мне надоел этот монолог, и я демонстративно принялся зевать, но это ни капли не смутило его.

Я уже с нетерпением ожидал охранников, и это ожидание показалось мне вечностью.

9 июля

Только через неделю, мне вновь предоставили возможность увидеть моих «друзей».

Они уже были здесь. Тунгус совершенствовал тело, а профессор разум. Все как обычно.

Увидев меня, они на какое-то мгновение оторвались от своих дел. Профессор кивнул, а качок сплюнул на пол. Этим и ограничилось приветствие.

Я сел за рояль. Двести лет мне такие «друзья» не нужны. Кто-то принес мне партитуры. Я реально почувствовал себя счастливым.

Комната наполнилась музыкой.

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали

Лучи у наших ног в гостиной без огней.

Рояль был весь раскрыт, и струны в нём дрожали,

Как и сердца у нас за песнею твоей».

Эти строки неожиданно возникли в моей памяти. И опять рояль воскресил образ белокурой женщины с грустинкой в глазах. Я не знаю кто ты, но я знаю, что я тебя люблю.

Музыка остановилась. По моему лицу непроизвольно текли слезы. Тунгус и Эйнштейн наверняка были ошарашены. Плевать! Я громко захлопнул крышку рояля. Концерт окончен!

Как никогда ждал прихода надзирателей. Профессор уже

явно нацелился на разговор со мной.

– Мой дорогой друг... – начал он.

Но закончить было не суждено, над дверью загорелась лампочка. За нами пришли.

Было интересно то, что приводили и уводили нас с разным интервалом времени. Насколько я понимаю, чтобы мы не знали, как близко расположены наши камеры.

Этой ночью я спал сном младенца. Во сне я видел прекрасную светловолосую женщину. Она говорила мне: – «Эрик, запомни, это скрипичный ключ».

10 июля

Сегодня снова возобновились занятия у доктора. Я давно не был у него, но ничуть не соскучился.

Последние дни я постоянно думал о людях, заключенных здесь. Кто они? Кто мы? Почему мы здесь? Что с нами сделали?

Я не находил ответов, и это вызывало сильные мигрени.

– Друг.

– Одиночество.

– Радость.

– Воспоминания.

Я чувствовал, что доктор уже порядком действует мне на нервы.

– Вы чем-то огорчены, Эрик? – спросил Олег Геннадьевич.

– Нет. – соврал я.

Док ничего не ответил, но я заметил, что в его глазах была усмешка.

– Что Вы думаете о Ваших новых товарищах? – его вопрос не застал меня врасплох, я ожидал его.

– Один из моих «друзей» озабочен только спортом, а второй своим эго – у меня не было необходимости кривить душой. Эти люди не мои друзья.

– Эрик, а чем озабочены Вы? – Док затаил дыхание, явно,

что мой ответ очень важен для него.

Я откинулся на спинку дивана. Эх, сейчас бы сигару, да кружечку бы кофе.

– Уважаемый Олег Геннадьевич! Я – человек без прошлого, без будущего, и с сомнительным настоящим. Как Вы считаете, могу ли я вообще быть чем-то озабочен?

Док нахмурился. Несомненно, он ждал другого ответа.

– Эрик! Чтобы у Вас появилось будущее, Вы должны сейчас в настоящем, помочь нам вспомнить Ваше прошлое! – он наклонился ко мне и был серьезен как никогда.

В это мгновенье я почти был готов поверить ему.

– Скажите мне, какие-то видения, сновидения, воспоминания..., хоть что-нибудь проявилось? Изменилось?

Прекрасная незнакомка вновь пронеслась пред моим взором, но я холодно ответил – Нет.

– Эрик, Вы можете идти! Более Вас не задерживаю – психолог был разочарован.

Снаружи не было надзирателя. Я, конечно, мог бы сам добраться до своей комнаты, но не думаю, что они будут рады этому. Коридор был пуст, и полная гробовая тишина повсюду. Я сосчитал двери, двенадцать с одной стороны и столько же с другой. Ни на одной из них не было табличек, но зато были глазки. Какое-то время я переминался с ноги на ногу.

Никого!

Тихонько я подошел и заглянул в глазок первой двери. Никого! Просто кабинет врача. За следующей дверью оказалось идентичное помещение и тоже пустое. И следующая за ней не порадовала меня. За пару минут я тихо на носочках заглянул во все комнаты. И так, из всех двенадцати кабинетов по левой стороне, не пустым был только один, и в нем находился Олег Геннадьевич. Неужели правая сторона тоже пуста?

Нет, я не угадал. Напротив, кабинета доктора, было что-то вроде палаты. Комната была достаточно светлой с небольшим окошком, не чета моей. На кровати, у стены сидела девушка, лет двадцати – двадцати пяти. Я не мог разглядеть лицо, но я обратил внимание на ее волосы, длинные темные локоны. У меня не было времени любоваться девушкой, я побежал к следующей двери. Похожая палата, только пустая. Я хотел было перейти к следующей, как вдруг в глазке появился чей-то огромный глаз. Сказать, что я напугался, это ничего не сказать. Сердце стучало как бешеное, казалось, что его стук эхом разнесся по пустым коридорам.

Где-то вдалеке слышались шаги. Быстрее молнии я метнулся к кабинету доктора, готовый в любую секунду сделать вид, что я только что вышел от него.

Полночи я ворочался и не мог уснуть, вспоминая это жуткий глаз, который меня так напугал. Потом мне приснился сон, в котором огромный глаз следовал за мной по пятам, я пытался бежать, но ноги были словно ватные. Беги Эрик, беги! – опять кричала женщина.

11 июля

Сегодня я случайно услышал, что надзиратели между собой называют меня Моцарт. Лишнее доказательство того, что в комнате отдыха все записывается и просматривается.

Меня опять повели в комнату. Рояль на месте, но что-то изменилось.

Не было Эйнштейна, не было Качка. Но на диване сидела девушка. Я подумал, что сплю. Но это действительно девушка! Живая!

Брюнетка. Ее можно было бы назвать красивой, если бы она так сильно не хмурилась. Увидев, что я ее разглядываю, она демонстративно сплюнула на пол.

– Добрый день! – я поздоровался я.

Незнакомка снова плюнула на пол. Нет, это не женщина, это верблюдица. Я узнал ее. Это ее я видел в дверной глазок.

Надзиратель, с трудом сдерживая рвущийся наружу смех, вышел, и оставил меня в этой компании.

Глупая ситуация, так мечтал увидеть хотя бы одну женщину, и теперь совсем этому не рад. Оставив «верблюдицу» в покое, я сел за рояль. Ну, здравствуй, мой самый лучший друг!

Пальцы затрепетали, забегали по клавишам, и я опять провалился в нирвану.

Я играл долго и не видел, и не слышал ничего вокруг. Ка-

залось, что музыка была даже внутри меня.

Я не видел, как незнакомка застыла в изумлении. Я не слышал даже, как открылась дверь, и вошел надзиратель. В этот момент я жил только музыкой.

Звуки рояля стали затихать. Я опустил голову, плечи мои тряслись. Силы полностью покинули меня.

Надзиратель восторженно захлопал в ладоши, а девушка отвернулась и сделала вид, что меня просто здесь не существует. Этакая дикарка.

В своей камере я вспоминал и анализировал сегодняшний день. Думал про незнакомую девушку, про ее не дружелюбность и надменность. Про ее вьющиеся волосы, про ее голубые глаза и белую кожу... Про то, как я бы хотел провести рукой по ее волосам. О Боже, у меня эрекция!

13 июля

Я у доктора. Бьюсь об заклад, он знает все, что со мной происходит. Такое чувство, как будто он живет в моей голове. Чертов доктор!

– Эрик, а что Вы думаете о женщинах? – вдруг спросил он.

Этот вопрос не был неожиданностью для меня, но я почувствовал, как мои щеки порозовели. Уверен, что он это заметил.

– Не знаю, не задумывался – я постарался придать уверенности своему голосу.

– А как Вы относитесь к Вашей новой знакомой?

– Мы даже не общались – щеки опять порозовели. Дьявол! Словно влюбленный подросток.

– Я уверен, что у Вас еще представится такая возможность пообщаться с Лолой – Док был сама любезность.

С Лолой? – переспросил я

– Да! Ее полное имя Лолита

Как у Набокова, хотел воскликнуть я, но вовремя сдержался.

– Вы можете идти, Эрик!

А я шел и думал... а кто такой Набоков?

20 июля

Только через неделю, мне снова позволили увидеть моих «друзей».

Все было почти также, как и обычно. Эйнштейн зарылся в книги, а Качек шлифовал свое тело. На диване восседала дикарка Лола и дулась на весь мир.

Да, уж! Пообщаешься тут.

Я сел к роялю. Играя, я получал громадное удовольствие. Забывались все мои беды, жизнь сияла новыми красками. Я полностью ушел в себя и не заметил, что «друзья мои», забросили все свои дела, и просто слушали музыку. Неужели в прошлом я был музыкантом?

Когда я обессиленный, но счастливый опустил крышку рояля, ко мне вдруг подседа Дикарка.

– Привет, меня Лола зовут – сказала она. Я обратил внимание, как Тунгус скользнул по мне недобрым взглядом.

– Эрик! – представился я. Мы обменялись рукопожатием.

У нее были длинные ресницы и гладкая, словно фарфоровая кожа.

– Хорошо играешь! – похвалила она.

– А чем ты увлекаешься, Лола? – спросил я.

Ее брови нахмурились, а глаза потемнели. Как будто ее подменили другим человеком.

– Я не знаю! Я ничего не знаю! – вдруг завизжала девушка.

Это было настолько неожиданно, что я испугался. Тут же дверь в комнату распахнулась, и вбежало несколько надзирателей. Они заломили мне руки за спину, и вытолкнули в коридор. Кто-то из них вlepил мне по лицу и разбил губу.

Я знал, что теперь долго не увижу эту троицу. Это было страшно несправедливо, ведь я не сделал ей ничего плохого.

Ночью никак не получалось заснуть, а потом провалился в беспокойные сновидения.

Снова был огонь и крики. – Беги, Эрик! – слышал я голоса. Но я не смог бежать. Мои ноги скользили, и я вновь и вновь падал, и барахтался в луже крови.

1 августа

Ровно десять дней я сидел безвылазно в своей комнате, никто не приходил за мной. Меня охватило отчаяние. Для чего мне эта жизнь, если я провожу ее в клетке.

После обеда, ко мне вошли надзиратели. Не передать словами, как я был счастлив.

Войдя в «комнату свиданий», я застыл в изумлении, Лола сидела за роялем и пыталась играть. Кое-что у нее получалось. Готов поклясться, эта девица имеет пару классов музыкальной школы.

Я сухо поздоровался. Дикарка бросила свое занятие, обернулась и улыбнулась мне такой лучезарной улыбкой, какой встречают только любимого мужа с работы. Сказать, что я был удивлен, да, несомненно!

Она поднялась с места, плавно подошла ко мне. Мое сердце вдруг испуганно затрепетало внутри, словно пойманная в силочку птичка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.